

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Понтий Пилат как судья над Иисусом Христом

Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 4. С. 668-678.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ПОНТІЙ ПИЛАТЪ КАКЪ СУДЬЯ

надъ Иисусомъ Христомъ.

ПЕЧАЛЬНАЯ роль, которую сыгралъ римскій правитель Иудеи въ страшномъ дѣлѣ суда надъ Спасителемъ міра, невольно обращаетъ на себя вниманіе всякій разъ, какъ круговоротомъ времени вновь придвигается страстная седмица, посвященная церковію воспоминанію о всѣхъ ужасахъ, сопровождавшихъ судьбу и казнь Богочеловѣка. Личность Понтія Пилата возбуждаетъ къ себѣ интересъ прежде всего потому, что она есть несомнѣнно личность историческая, такъ что никакая самая смѣлая критика не въ состояніи подвергнуть ее отрицанію, потому что существованіе ея находитъ себѣ подтвержденіе въ независимыхъ свидѣтельствахъ древности ¹⁾. Но не менѣе затѣмъ она интересна и въ психологическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь, Пилатъ характеръ весьма загадочный. Онъ отнюдь не былъ зауряднымъ человѣкомъ или зауряднымъ судьей. Вникая въ дѣло, мы не можемъ порицать его какъ обыкновеннаго убійцу, и было бы противно очевиднымъ фактамъ назвать его вполнѣ судьей неправеднымъ; мы можемъ осуждать его и въ то же время не можемъ ненавидѣть его. Онъ убилъ Того, Кто для насъ дороже всего на свѣтѣ, и однако мы можемъ только сожалѣть о немъ: скорѣе слезы состраданія польются изъ глазъ, чѣмъ вырвутся слова проклятія изъ устъ. И однако—онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь на землѣ заслужилъ презрѣніе всего человѣчества. Поэтому даже съ чисто человѣческой стороны нельзя не чувствовать особаго интереса къ личности этого извѣстнѣйшаго изъ прокураторовъ Иудеи. Если Сократъ, великій мудрецъ и въ то же время—лишь тѣнь по сравненію съ Божественнымъ Учителемъ, принужденъ былъ выпить чашу съ ядомъ, то исторія, напедная себѣ выраженіе въ Платоновой апологіи;

¹⁾ Напр. у Иосифа Флавія и Тацита.

не ограничивается доказательствомъ невинности этого мученика философин, а подвергаетъ обсужденію и самый судъ, приговорившій великаго мудреца древности къ смерти. Тѣмъ болѣе исторія имѣетъ право подвергнуть своему нелицепріятному суду того прокуратора, который, оказавшись верховнымъ судьей надъ Божественнымъ Спасителемъ міра, оказался слабымъ защитникомъ правды и, предавъ невиннаго, по его собственному сознанию, человѣка на распятіе, думалъ оправдать себя и свою совѣсть простымъ умытіемъ рукъ. Не входя въ настоящій разъ въ историческое изслѣдованіе происхожденія Понтія Пилата и его дѣятельности, какъ римскаго правителя вообще, мы обратимъ вниманіе только на его непосредственное отношеніе къ дѣлу Иисуса Христа, чтобы уяснить себѣ ту точку зрѣнія, съ которой Пилатъ находилъ возможнымъ или необходимымъ предать на смерть завѣдомо невиннаго человѣка ¹⁾.

Нѣтъ надобности долго разъяснять собственно правительственное положеніе Пилата. Онъ былъ правитель Іудеи, которая въ это время составляла часть большой римской провинціи Сиріи. Во главѣ всей провинціи стоялъ императорскій намѣстникъ, уполномоченный кесаря (legatus Caesaris), надѣленный обширными полномочіями. Подъ его властью находились правители отдѣльных частей провинціи — прокураторы, которые въ общемъ пользовались значительными правами въ своей области, но въ важныхъ дѣлахъ должны были испрашивать утвержденія намѣстника ²⁾. Однимъ изъ этихъ прокураторовъ, именно правителемъ или „игемономъ“, какъ его называютъ евангелисты и другіе греческіе писатели ³⁾, былъ Понтій Пилатъ, который вступилъ въ управленіе своею областью въ 26 г. по Р. Хр. Но въ виду особеннаго стратегическаго значенія Іудеи и ея постоянныхъ патріотическихъ броженій, прокураторъ ея Пилатъ былъ надѣленъ большими полномочіями, тѣмъ другіе его соправители, и онъ обладалъ даже *jure gladii*, правомъ меча, т. е. правомъ лишать жизни. По своему положенію, Пилатъ долженъ былъ обладать большимъ правительственнымъ тактомъ; а онъ, къ несчастью, и не обладалъ имъ. Жестокій и упрямый характеромъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ правленія сумѣлъ только возбудить къ себѣ недобрыя и нелюбовь въ народѣ, поведшія къ неоднократнымъ

¹⁾ См. небольшое, но весьма обстоятельное изслѣдованіе: G. A. Müller, Pontius Pilatus, der fünfte Procurator von Judäa u. Richter Jesu von Nazara. Stuttgart, 1888. Предлагаемая статья составлена на основаніи этого именно трактата

²⁾ Примѣняясь къ нашему административному строю, можно бы сказать, что намѣстникъ или легатъ кесаря это былъ генералъ-губернаторъ, а прокураторы губернаторы подчиненныхъ его вѣдѣнію губерній.

³⁾ „Предана Его Понтійскому Пилату игемону“, Матѣ. XXVII, 2; Ср. Лук. III, 1; Дѣян. XXIV, 10. А также у Иосифа Флавія. Древн. XVIII, 3 в τῆς Ἰουδαίας ἡγεμών.

взрываютъ народнаго мятежа, которые Пилать подавлялъ безпопадной рѣзней, не обращая вниманія на потоки крови. Онъ именно при одной вспышкѣ горячихъ галилеянъ въ Иерусалимѣ избилъ ихъ и кровь смѣшалъ съ принесенными ими жертвами, слухъ о чемъ съ ужасомъ передавался по всей странѣ изъ устъ въ уста¹⁾. Ко времени суда надъ І. Христомъ эта вражда между римскимъ правителемъ и іудейскимъ народомъ дошла до послѣдней степени развитія и ею въ значительной степени объясняется вся основа, на которой развилась эта потрясающая исторія.

Такъ какъ жизнь и дѣятельность Иисуса Христа развивалась на почвѣ мессіанскаго движенія, а это движеніе было самымъ существеннымъ и глубокимъ элементомъ въ жизни іудейскаго народа вообще, то теперь интересно уяснить себѣ, какъ же Пилать, какъ римскій правитель, относился къ этому движенію и не въ немъ ли надо искать разгадки его страннаго образа дѣйствія во время суда надъ Христомъ.

Новѣйшая критическая литература, привыкшая однимъ ударомъ разрубать всѣ трудные узлы историческихъ явленій, думала подобнымъ же образомъ разрубить и этотъ историческій вопросъ, низведя его на почву чисто политическую. По мнѣнію представителей этой школы, все мессіанское движеніе, а слѣдовательно и дѣятельность І. Христа, имѣло собственно политическую цѣль. Мессія былъ-де никто иной, какъ поборникъ идеи освобожденія своего народа отъ римскаго ига, — слѣдовательно, былъ измѣнникъ кесарю и по римскому закону вполне заслуженно распятъ былъ на крестѣ. Просто и ясно, но — вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне безосновательно. Тѣмъ не менѣе эта гипотеза имѣетъ своихъ горячихъ сторонниковъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на Ан. Рембе, который издалъ специальную брошюру подъ заглавіемъ: „Христосъ, какъ чловѣкъ и поборникъ свободы“²⁾. Въ ней онъ сдѣлалъ попытку оправдать эту гипотезу даже собственными изреченіями Иисуса Христа, но конечно терпитъ полную неудачу, такъ какъ невозможно доказать никакими доводами того, что противорѣчитъ всему существу дѣла. Онъ ссылается напр. на то, что Пилать самъ называлъ І. Христа царемъ іудейскимъ; но достаточно вникнуть въ смыслъ этого названія, чтобы понять, что „Царь“ здѣсь разумѣется отнюдь не въ политическомъ смыслѣ, а въ томъ таинственномъ смыслѣ, въ какомъ Самъ Христосъ на вопросъ Пилата: „Итакъ Ты царь?“ — отвѣчалъ: „да, царь, но царство Мое не отъ міра сего“³⁾.

Что не можетъ быть и рѣчи о поднятой Иисусомъ Христомъ политической революціи, какъ едвали вообще о движеніи въ политическомъ отношеніи, это должно быть ясно для всякаго

¹⁾ Лук. XIII, 1.

²⁾ Anat. Rembe, Christus der Mensch und Freiheitskämpfer.

³⁾ Іоан. XVIII, 36, 37.

разсудительнаго человѣка при простомъ соображеніи. Всякое возбужденіе въ Палестинѣ неизбѣжно влекло за собою пожараще, которое едва можно было подавить. При замѣчательно практичномъ управленіи римлянъ, всякіе признаки приближавшейся бури, всякое движеніе открытаго недовольства непремѣнно было бы замѣчено прокураторомъ. Что же говорить Пилатъ, когда при утреннемъ разсвѣтѣ приводятъ къ нему въ домъ Мессію, этого „Царя Іудейскаго“, политическаго обманщика? „Въ чемъ вы обвиняете человѣка сего?“—спрашиваетъ онъ ¹⁾. Несомнѣнно еслибы Іисусъ Христосъ игралъ явно политическую роль, то Пилатъ принялъ бы его совершенно иначе, потому что римляне отнюдь не переменились съ мятежниками; въ такомъ случаѣ правитель радостно воскликнулъ бы: „Гдѣ тотъ, который поймалъ мятежника, чтобы миѣ поцарски наградить его?“ Вотъ почему, хотя, по свидѣтельству еванг. Луки, Христосъ на вопросъ Пилата: „Царь ли Онъ Іудейскій?“—отвѣчалъ „Ты говоришь“, однако это висколько не смутило его и онъ тутъ же, по свидѣтельству того же евангелиста, выйдя къ первосвященникамъ и народу, сказалъ имъ: „Никакой вины не нахожу я въ человѣкѣ семъ!“ Такимъ образомъ, результатомъ судебного изслѣдованія было то, что Іисусъ, котораго называли паремъ іудейскимъ, оказывался ни въ чемъ неповиннымъ. И въ тоже время, чтобы досадить іудеямъ, Пилатъ продолжаетъ называть Христа царемъ іудейскимъ, а чтобы усилить позоръ безбожныхъ обвинителей, которымъ онъ долженъ уступить, онъ пишетъ даже и на доскѣ, прибитой къ кресту: „Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій“.

Что Пилатъ почти ничего не зналъ о Христѣ, это вытекаетъ изъ другого обстоятельства. Вѣротерпимаго язычника-римлянина мало беспокоило, когда ему, быть можетъ, рассказывали, что среди іудеевъ явился великій Учитель и проповѣдуетъ о новомъ Царствѣ Божіемъ на землѣ: все это могло оставаться для него безразличнымъ, пока не причиняло никакого общественнаго беспокойства. Поэтому Пилатъ совсѣмъ не зналъ всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ жизни Мессіи. Случайно узнаетъ онъ, что этотъ Учитель есть галлилеянинъ ²⁾; поэтому онъ нарочно освѣдомляется объ этомъ и отправляетъ Христа къ Ироду, какъ къ правителю Галилеи. Если бы Христосъ былъ политическій вождь, то Иродъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ знать объ этомъ. Но что же говоритъ евангелистъ? — „Иродъ увидѣвъ Іисуса, очень обрадовался, ибо давно желалъ видѣть Его, потому что много слышалъ о Немъ и надѣялся увидѣть отъ него какое-нибудь чудо, и предлагалъ Ему много вопросовъ; но Онъ ничего не отвѣчалъ ему. Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Иродъ со своими воинами, уничививъ Его и насмѣявшись

¹⁾ Іоан. XVIII, 29.

²⁾ Лука XXIII 6 и 7.

надъ Нимъ, одѣлъ Его въ свѣтлую одежду и отослалъ обратно къ Пилату“¹⁾). Слѣдовательно и Иродъ также ничего не зналъ изъ собственнаго опыта объ Иисусѣ Христѣ; въ особенности ничего онъ не зналъ о Его притязаніи на царское достоинство. Онъ слышалъ только, что Христосъ есть чудесный Человѣкъ, пламенный проповѣдникъ, кроткій чудотворецъ.

Такимъ образомъ, если въ мессіанскомъ движеніи нѣтъ ничего политическаго, то вполне становится понятнымъ занятое Иродомъ положеніе: Мессія очевидно и для него не есть политическій преступникъ; а еслибы Онъ былъ преступникъ религіозный, то это нисколько не касалось равнодушнаго къ этимъ дѣламъ римлянина, почему онъ и не находитъ въ Христѣ никакой вины.

Такъ выясняется эта сторона дѣла изъ повѣствованія Евангелія. Теперь интересно взглянуть, какъ смотрятъ на это же дѣло важнѣйшіе римскіе писатели, касающіеся этого же періода Іудейской исторіи.

Тацитъ говоритъ о Христѣ въ первый разъ въ своихъ „Лѣтописяхъ“ (XV, 44), гдѣ подробно рассказываетъ о гоненіи на христіанъ при Неронѣ. Чтобъ уничтожить, рассказываетъ онъ, слухъ (о томъ, что Римъ подожженъ былъ самимъ императоромъ), „Неронъ подставилъ виновныхъ и примѣнилъ самыя изысканныя наказанія къ ненавистнымъ за ихъ мерзости людямъ, которыхъ чернь называла христіанами. Виновникъ этого имени Христосъ былъ въ правленіе Тиверія казнень прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ, и подавленное на время нагубное суевѣріе вырвалось снова наружу и распространилось не только по Іудеѣ, гдѣ это зло получило начало, но и по городу (Риму)“²⁾). До послѣдняго времени этотъ рассказъ Тацита подвергался всевозможнымъ перетолкованіямъ. Такъ Бруно Бауеръ относился къ нему, особенно въ вопросѣ о Нероновомъ гоненіи на христіанъ, съ сильнымъ недоувѣріемъ, не выставляя однако никакихъ серьезныхъ основаній къ тому; Гопаръ³⁾, за которымъ слѣдуютъ и нѣмецкіе ученые, старается доказать что этотъ рассказъ—интерполяція со стороны какого-нибудь христіанскаго писателя, сдѣланный въ ущербъ Нерону и въ пользу „гипотезы о существованіи Христа“. Въ послѣднее время этимъ вопросомъ занимался Франклинъ Арнольдъ⁴⁾ и ему принадлежитъ заслуга, что онъ при помощи строгихъ и критически-остроумныхъ изысканій констатировалъ тотъ фактъ,

1) Лука XXIII 8—11.

2) Nero subdidit reos et quaesitissimis poenis affectit, quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat; auctor nominis eius Christus Tiberio imperante per procuratorem Pontium Pilatum supplicis affectus erat, repressaque in praesens exitiabilis superstitio rursus erumpebat non modo per Judaeam, originem eius mali, sed per urbem etc.

3) Hochart, Etudes au sujet de la persecution des Chretiens sous Neron, Paris 1885.

4) Arnold, Neron. Christenverfolgung, въ разныхъ мѣстахъ.

что „рассказъ о гоненіи на христіанъ въ Лѣтописяхъ Тацита, XV книга 44 глава, принадлежитъ самому Тациту и не искаженъ никакими интерполяціями, хотя во всякомъ случаѣ нельзя отрицать у этого писателя извѣстныхъ риторическихъ преувеличеній“¹⁾).

Къ критическимъ доводамъ противъ подлинности Тацитова мѣста трактующаго о Христѣ и затѣмъ о римско-христіанской общинѣ причисляютъ и упоминаніе о Понтіѣ Пилатѣ, въ которомъ авторъ ограничивается простымъ указаніемъ имени и избѣгаетъ самыхъ обычныхъ личныхъ наименованій, какъ будто Пилатъ былъ и безъ того извѣстенъ всѣмъ современникамъ Тацита. Гошаръ и Бруно Бауеръ придавали особенно важное значеніе этому „подозрительному обстоятельству“. Такъ Гошаръ отмѣчаетъ „неправдоподобность“ того, чтобы Тацитъ называлъ *имя римскаго прокуратора*, не сказавъ, какъ называлась провинція или область его управленія. Но это—простое недоразумѣніе. Развѣ не написано прямо на чистомъ латинскомъ языкѣ: „Christus per procuratorem Pontium Pilatum supplicio affectus erat, послѣ чего какъ разъ и говорится о христіанскомъ „суевѣріи“, что оно не только распространилось по Іудеѣ—*originem ejus mali* (мѣсторожденіи этого зла), но проникло до самого Рима? Если же Іудея есть „родина этого зла“ и если основатель этой ненавистой Тациту вѣры былъ казненъ Пилатомъ въ Іудеѣ, то отсюда для всякаго читателя легко вывести заключеніе, что Тацитъ подразумѣвалъ Іудею именно какъ провинцію этого римскаго правителя.

Не безъинтересную догадку дѣлаетъ одинъ почтенный еврейскій ученый, Іоель, — серьезныя соображенія котораго впрочемъ опровергаетъ Арнольдъ. По мнѣнію Іоеля, изъ поразительной краткости упоминанія о Пилатѣ можно вывести то слѣдствіе, что Тацитъ въ приведенной главѣ о Пилатѣ потому говоритъ о немъ какъ о личности извѣстной, что о немъ уже была рѣчь раньше въ потерянномъ теперь мѣстѣ. Развивая эту мысль въ своемъ сочиненіи—„Взглядъ въ религіозную исторію II вѣка“²⁾, онъ разумѣетъ извѣстный пробѣлъ въ концѣ пятой книги „Лѣтописей“; тамъ будто бы содержалось изображеніе событій въ Іудеѣ, причѣмъ Тацитъ изображалъ мессіанское движеніе, какъ революціонно-политическое, противъ котораго долженъ былъ дѣйствовать Пилатъ; но христіане будто бы уничтожили этотъ непріятный для нихъ отдѣлъ, потому что изъ повѣствованій Тацита ясно вытекало, что во-первыхъ Христосъ былъ революціонеръ, и во-вторыхъ, что Онъ какъ такой, былъ арестованъ, осужденъ и распятъ не іудеями, а римлянами. Но вѣдь все это одни только предположенія и вѣроятіе всего, что ничего подобнаго не было въ исчезнув-

1) См. *Arnold*. стр. 114.

2) *Joel*, *Blicke in die Religionsgeschichte des II Jahrhunderts*, Breslau 1883.

шемъ мѣстѣ; противъ этого говорятъ съ подавляющею несомнѣнностью внутреннія основанія. Тацитъ относился къ іудейскимъ дѣламъ вообще съ слабымъ интересомъ; поэтому для него не имѣлъ важности и тамошній прокураторъ, тѣмъ болѣе, что онъ постепенно проходилъ совершенно заурядную карьеру. Различныя, весьма важныя для Іудеи событія въ правленіе Пилата не находили въ немъ никакого историческаго участія, потому что онъ рѣшительно не обладалъ способностью понимать религіозные мотивы движенія. Да и прямо невозможно, чтобы въ концѣ пятой книги „Лѣтописи“ онъ изображалъ Христа революционеромъ, который волновалъ народъ и справедливо заслужилъ смерть; потому что въ своей „Исторіи“ (книга V, гл. 9) Тацитъ, излагая исторію Іудеевъ, въ качествѣ результата заявляетъ: *Sub Tiberio quies!* (при Тиверіѣ все спокойно). Въ заключительныхъ главахъ пятой книги „Лѣтописей“ онъ изображаетъ событія во всей римской имперіи. Это былъ 31 годъ, Тиверіѣ еще былъ императоромъ; кое-гдѣ онъ видѣлъ смуту, въ Іудеѣ же все было спокойно. О политически возбужденномъ годѣ въ Іудеѣ Тацитъ слѣдовательно не рассказываетъ ни въ своей „Исторіи“ (кн. V, гл. 9), ни въ произвольно предполагаемомъ Іоелемъ пробѣлѣ въ „Лѣтописяхъ“ въ концѣ пятой книги. Еще менѣе 44-я глава XV-й книги содержитъ въ себѣ что-нибудь такое, что могло бы пониматься въ смыслѣ революціи противъ римскаго правительства.

Если среди общины христіанъ въ Римѣ и замѣчались пожалуй отчасти политическія стремленія въ царствованіе Нерона, то отвѣтственность за это отнюдь нельзя возлагать на дѣятельность Іисуса Христа. Тацитъ, правда, дѣлаетъ упреки христіанамъ въ ненависти къ роду человѣческому ¹⁾ (*odium generis humani*), какъ Посидоній упрекаетъ іудеевъ въ *misandratia* — челоѣконенавистничествѣ), подѣ чѣмъ, судя по положенію дѣлъ, можно понимать враждебность христіанъ къ языческому государству. Но о личности Іисуса Христа и Его мнимыхъ политическихъ стремленіяхъ Тацитъ не говоритъ ни слова, кромѣ того, что основатель „Христіанскаго имени“ казненъ Понтіемъ Пилатомъ въ царствованіе Тиверія. Вѣра христіанъ, которыхъ историкъ хорошо отличаетъ отъ іудеевъ, презрительно называется у него суевѣріемъ (*superstitio*) и именно *exitiabilis*, т. е. пагубнымъ; этимъ предикатомъ, обнаруживающимъ въ немъ горячую ненависть къ христіанамъ, онъ хочетъ сказать, что это пагубное, омерзительное зло происходитъ изъ Іудеи. Таково именно значеніе слова *malum* въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Но относится ли это пренебрежительное сужденіе, предполагающее политически-соціальную опасность, къ мессіанскому движенію? Относится ли это къ самому времени основанія христіанской религіи? Доказываетъ ли это

¹⁾ *Arnold*, стр. 15.

хотя бы сколько-нибудь революціонную дѣятельность Христа? Тацитъ говорить о христіанахъ въ Римѣ во времена Неронова пожара настолько, насколько онъ слышалъ о нихъ, и въ основу своего сужденія онъ кладетъ свои личныя воззрѣнія и ходячія воззрѣнія своего времени; но это такое сужденіе, которое явственно опирается на ненавистническую ложь и нивкую клевету и уже поэтому не заслуживаетъ никакого довѣрія. Тацитъ, который почти во всё время пользовался слишкомъ большимъ довѣріемъ и высокой славой, во многихъ отношеніяхъ оказывается несомнѣнно писателемъ тенденціознымъ. Во всякомъ случаѣ, отнюдь нельзя выступать съ утвержденіемъ, что онъ всегда пишетъ объективно и достоверно, равно какъ и нельзя оправдывать всѣхъ его односторонностей его римской точкой зрѣнія и его очевидной враждебностью къ императору. Только изрѣдка онъ пытается стать выше партій. Противъ христіанъ онъ выставляетъ ходячія сказки и обвиненія, какъ онъ почерпнулъ ихъ изъ своихъ старыхъ источниковъ, или слышалъ отъ своихъ современниковъ. Чтобы самому вникнуть въ дѣло и удостовѣриться въ справедливости этихъ свидѣтельствъ, для этого римлянину не хватало ни интереса, ни религіознаго смысла. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ касается іудеевъ, въ основѣ его разсказа нельзя не видѣть вліянія Посидонія Апамейскаго, автора іудейской исторіи, которая всецѣло проникнута чувствомъ ненависти и презрѣнія къ іудеямъ.

Что касается „Исторіи іудейской войны“ Іосифа Флавія, то Тацитъ во всякомъ случаѣ читалъ ее, но что онъ для своего сужденія объ іудеяхъ и христіанахъ не воспользовался ею, — для этого у него были личныя и дѣловыя основанія. Іосифъ Флавій былъ историкъ, субъективность котораго невольно претила всякому. Кромѣ того, предубѣжденному римлянину совершенно чужда была весьма явственно выступающая „апологетическая тенденція“ іудейскаго ученаго. Въ послѣднемъ обстоятельстве можно усмотрѣть между прочимъ и доказательство подлинности касающихся Христа (и Пилата) мѣстъ въ сочиненіяхъ Іосифа Флавія. Тацитъ несомнѣнно читалъ у него, хотя и неблагопріятное, но все-таки довольно объективное замѣчаніе о Христѣ; поэтому онъ не осмѣливается, при всей своей ненависти къ Моисеевой и христіанской вѣрамъ, высказать о личности Христа что-нибудь оскорбительное или ложное (хотя въ то же время не говорить ничего и одобрительнаго). Это такъ можно объяснить изъ того соображенія, что Тацитъ уже знакомъ былъ съ апологетическими мѣстами Іосифа Флавія и въ виду ихъ пощади личность, хотя, въ то же время, не стѣсняясь осмѣливалъ самое дѣло.

Можно еще вкратцѣ коснуться и одного мѣста у Светонія, имѣющаго нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету. Онъ только иногда пользовался Тацитомъ, который писалъ на пять лѣтъ раньше его; о Нероновомъ пожарѣ онъ разсказываетъ самостоятельно и объ іудейскихъ дѣлахъ судить независимо. О

революціонномъ движеніи въ Іудеѣ во времена Христа онъ тоже не говоритъ ни слова, хотя имѣлъ достаточно поводовъ разсказывать объ этомъ. Его взгляды на христіанство совершенно одинаковы со взглядами Тацита. Въ своей „Жизни Нерона“, — онъ называетъ новую вѣру *superstitio nova ac malefica* (суевѣріемъ новымъ и зловреднымъ).

Мы подробно изложили относящееся къ І. Христу мѣсто у историка Тацита, потому что оно именно для нѣкоторыхъ ученыхъ доставляетъ матеріалъ къ построенію совершенно несостоятельной гипотезы о политическомъ движеніи Мессіи. Но быть можетъ въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдовало бы поставить Плинія, правителя въ Визоніи. Онъ именно — свисходительный обвинитель христіанъ — представляетъ краснорѣчивое свидѣтельство въ пользу государственной неопасности христіанской религіи въ своемъ посланіи къ императору Траяну. Въ этомъ знаменитомъ посланіи онъ не говоритъ, что христіане, по его взгляду, подлежатъ наказанію, а спрашиваетъ только, какъ съ ними поступить ему. Хотя сама религія христіанъ въ его глазахъ тоже есть *superstitio prava et immodica* ¹⁾, но она для него не есть, какъ для Тацита, суевѣріе „пагубное“, или какъ для Светонія — „зловредное“. О Христѣ, какъ о Богѣ христіанъ, онъ знаетъ только то, что Онъ былъ основатель религіи, а не революціонеръ. Что это посланіе Плинія Младшаго къ Траяну подлинно, въ этомъ въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія и утвержденіе противнаго можетъ вытекать развѣ только изъ какой-нибудь тенденціи. Сдѣланныя съ этой стороны возраженія Землера, Обе, Гошара и Брюно Бауера совершенно несостоятельны. Такимъ образомъ даже и древнѣйшія языческія преданія о христіанствѣ нисколько не допускаютъ политической цѣли въ проповѣди Іисуса Назарянина.

Такимъ образомъ, въ то время какъ христіанская вѣра видитъ въ явленіи Христа исполненіе таинственнаго плана искупленія, обнимающаго всѣ народы и племена, исторія, не противорѣча этой истинѣ, должна понять ее съ іудейской національной точки зрѣнія, если хочетъ правильно понимать ея историческія послѣдствія. Съ этой точки зрѣнія оказывается, что дѣятельность Іисуса Христа, который пришелъ не нарушить законъ, а исполнить его, имѣла свою цѣлью религиозное просвѣщеніе народа въ духѣ новозавѣтной свободы и истины, и эта то чисто духовная Его дѣятельность, непонятая такими ослѣпленными подзакопниками, какъ фарисеи, была истолкована ими для невѣжественнаго народа, какъ пограніе всякаго закона.

Въ этомъ именно смыслѣ религиознаго преобразователя Христосъ конечно былъ извѣстенъ всему народу; въ этомъ

¹⁾ „Суевѣріе нелѣпное и чрезмѣрное“.

смыслѣ только и слышалъ о Немъ Иродъ, и если также и Пилату иногда приходилось слышать имя великаго „Равви Иисуса“, то конечно ему рассказывали только о Его религиозныхъ проповѣдяхъ и великихъ знаменіяхъ, а отнюдь не о низкой лжи, измышленной Его обвинителями, что Онъ „возмутитель народа, который запрещаетъ давать дань Кесарю и говорить, что онъ Христосъ,—Царь“.

Если же Христосъ (по разумѣнію іудеевъ) есть преступникъ *религіозный*, то это нисколько не касалось равнодушнаго къ религіи римлянина, и это не трудно доказать. Всякій, изучавшій римскую исторію, знаетъ, что почти во воѣ времена римляне относились къ чужимъ религіямъ и культамъ съ такою вѣротерпимостью, которая даже и во времена христіанства не всегда допускалась. Уже въ древнѣйшія времена, завоевавъ какой нибудь городъ, они имѣли обыкновеніе призывать къ себѣ умиловительными молитвами боговъ этого города прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу разрушенія. Во времена императоровъ мы встрѣчаемся въ Римѣ съ культами самыхъ различныхъ божествъ. Изида пользовалась почти такимъ же богопочтеніемъ какъ Венера и Юнона, и даже презрѣннымъ іудеямъ не возбранялось совершать свое богослуженіе. Государство считало ниже своего достоинства вмѣшиваться во внутреннія дѣла различныхъ обществъ. Оно руководилось девизомъ, который Фридрихъ II прусскій написалъ на своемъ тронѣ: „Въ моей землѣ каждый можетъ спастись по своему собственному способу“. Если позже римляне и иначе относились къ христіанству, даже враждебно и жестоко преслѣдовали его, то основаніемъ для этого былъ принятый ими общій политическій принципъ—не допускать ни въ одномъ народѣ стремленія къ самобытности. Мы теперь пользуемся всѣми благословеніями истинной вѣры, но съ человѣческой точки зрѣнія нельзя видѣть въ гоненіяхъ на христіанъ только какую то самодурную жестокость, а нужно усматривать въ нихъ обдуманную оборонительную борьбу, которую древній міръ велъ противъ надвигавшагося духа новаго времени.

Вообще римское государство никогда не вмѣшивалось во внутреннія дѣла того или другого культа, равно какъ не старалось добиваться вліянія на его развитіе, или стѣснять его. Только уже позже (въ III и IV вѣкахъ) бывали исключенія, которыя во всякомъ случаѣ казались необходимыми вслѣдствіе того, что религиозныя распри начинали угрожать общественному спокойствію и порядку. Когда при императорѣ Максентіѣ дѣло шло о принятіи вновь въ церковь отпадшихъ, то борьба партій за и противъ приняла крайне ожесточенный характеръ, такъ что императоръ, издавшій эдиктъ о вѣротерпимости, долженъ былъ подвергнуть изгнанію непреклоннаго пашу Маркелла. Отсюда мы получаемъ возможность понять равнодушіе Понтія Пилата къ событіямъ въ Моисеевой религіи. О политическомъ движеніи Иисуса Христа, учительство котораго

выпало на періодъ его правленія, онъ не зналъ ничего. Религіозная же дѣятельность Спасителя, такъ какъ она ограничивалась іудеями, не представляла для него никакого интереса, а слѣдовательно и повода къ вмѣшательству. Если онъ оправдалъ Христа въ политическомъ отношеніи, когда Его обвиняли предъ нимъ въ притязаніи на царскій титулъ и въ возмущеніи, то онъ долженъ былъ также объявить Его невиннымъ и въ религіозномъ преступленіи: „Что мнѣ за дѣло, какъ римскому сановнику, — разсуждалъ онъ, — если этотъ Іисусъ проповѣдуетъ іудеямъ и говоритъ, что Онъ Сынъ Бога Іудейскаго“? И въ этомъ отношеніи его судейскій приговоръ гласилъ: „Никакой вины не нахожу я въ человѣкѣ семъ“.

Почему же Пилатъ однако вскорѣ отказался отъ своего воплиѣ правильнаго образа дѣйствій и, по его собственному признанію, невиннаго человѣка осудилъ на крестъ, это требуетъ особаго объясненія. Отселѣ начинается нравственная виновность Пилата, о которой будетъ сказано въ слѣдующій разъ ¹⁾.

¹⁾ До слѣд. книжки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки